

Интернет-журнал «Мир науки» / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2018, №1, Том 6 / 2018, No 1, Vol 6 <https://mir-nauki.com/issue-1-2018.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/45RMN118.pdf>

Медведев Александр Михайлович

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
Волгоградский институт управления (филиал), Россия
Доцент кафедры «Психологии»
Кандидат психологических наук

Рецензия на статью **«Проблема антропоморфной интерпретации поведения** **животных в контексте дискуссии об особенностях** **сексуального поведения человека»**

Проблема антропоморфной интерпретации поведения животных в контексте дискуссии об особенностях сексуального поведения человека / Лысов В., Шатнер А., Куренной И.С. Проблема антропоморфной интерпретации поведения животных в контексте дискуссии об особенностях сексуального поведения человека // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №1, <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN118.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

Статья посвящена критике аргументации, приводимой представителями движения «ЛГБТКИАП+» в пользу «естественности» однополых сексуальных отношений и брачных союзов, когда под «естественностью» понимается распространенность явления однополых отношений в популяциях животных, принадлежащих к разным видам, т. е. популяционная и видовая распространенность явления становится аргументом в пользу его естественности. Авторы критического обзора исходят из необходимости различать и разделять биологические и психологические механизмы, определяющие возникновение и воспроизведение однополых отношений в человеческом сообществе и в популяциях животных. В статье приводится обширный материал, относящийся к области биологии и к области этологии, показывающий биологические детерминанты и зоопсихологические детерминанты однополых контактов животных, их биологическую целесообразность и роль в установлении внутривидовой иерархии. Основное направление критики авторов статьи – редукция психологических и социокультурных детерминант к биологическим и перенос биологической аргументации в область человеческой этики и правовой регуляции жизни человеческого общества.

Если интерпретировать представленную в статье коллизию на языке методологии, предложенной В.А. Вагнером для отечественной зоопсихологии и сравнительной психологии, она есть столкновение позиции, сочетающей «монизм снизу» и «монизм сверху» (терминология В.А. Вагнера) – на полюсе адептов движения «ЛГБТКИАП+» – и его аргументированной критики – на полюсе авторов статьи. Близкая по основному смыслу аргументации критика была проведена В.А. Вагнером еще в 20-е гг. 20 века. Монизм снизу – это выбор в качестве исходного основания для понимания высших уровней эволюции психики ее (психики) элементарных проявлений. В психологии человека (в научной психологии) такого рода редукция находила себе оправдание в ортодоксальном бихевиоризме, а в нашей стране – в расширенном понимании роли рефлексологии в понимании поведения и в попытках свести психологические механизмы к рефлекторным, открытым И.П. Павловым. Выбор

аргументации, основанной на «монизме снизу», был причиной дискредитации ряда отечественных концепций в области физиологии, психологии и психиатрии как потерявших материалистические основания и подвергшихся влиянию западных учений. Павловская сессия – совместная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, проходившая в Москве с 28 июня по 4 июля 1950 года, стала событием, вызвавшим преследование группы отечественных ученых. Среди них были Л.А. Орбели, А.Д. Сперанский, И.С. Бериташвили, П.К. Анохин, Л.С. Штерн, обвиненные в отклонении от учения И.П. Павлова.

В результате советская физиология, построенная в соответствии с монистической ортодоксией, оказалась изолированной от международного научного сообщества, что замедлило и исказило развитие физиологии, психологии, психиатрии и генетики. Полагаю, что продуктивный потенциал такой ортодоксии сомнителен, а порождаемые ей ограничения достаточно очевидны. Однажды в истории отечественной науки такая «естественная» аргументация привела к существенным потерям.

Реципрокным дополнением «монизма снизу» служит «монизм сверху» – перенос в область психологии животных тех психологических механизмов, которые свойственны психической организации человека, и использование применительно к психической жизни животных того понятийно-терминологического аппарата и той логики понимания, которые выработаны применительно к психологической жизни людей. Для этого также нет серьезных научных оснований, но эта форма редукции, видимо, будет воспроизводиться, поскольку, выражаясь языком М.К. Мамардашвили, «уже есть все слова» – поведение животных описывается в терминах, а в особенности, в значениях обыденного языка так, что ассоциируется с поведением человека. Попросту ввиду ассоциативной близости значений слов.

Но интимно-личные отношения людей, заключающие в себе отношения сексуального партнерства и детско-родительские отношения, содержат биологию и физиологию пола в снятом виде (в гегелевском понимании снятия) и основаны не на физиологии, а на механизмах высших психических функций (в понимании Л.С. Выготского и его научной школы). «Точно так же, как и другие высшие психические функции, – отмечает Ю.П. Зинченко, – человеческая сексуальность характеризуется прижизненным социальным характером формирования. Однако специфичность социализации в этом случае определяется сочетанием жесткости запрета, его внутренней противоречивостью и не всегда явной формулировкой. Радикальное отличие сексуальности от классических высших психических функций определяется тем, что интерпсихический этап формирования характеризуется разделением не выполнения функции, а ее запрещения, и сначала усваивается не только и не столько модель реализации, сколько стереотип торможения» (Зинченко Ю.П., 2003, с. 66). Нигде в мире животных подобного не наблюдается. Замечу, что запрет, табуирование распространяется на все формы сексуальных отношений и служит основанием для рефлексии, осознания их уместности/неуместности в различных социо-культурных контекстах, их культурной сообразности и культурного оформления, что собственно и отличает человеческую сексуальность от полового поведения животных. Только у человека пол преобразуется в гендер: свою половую принадлежность надо «уметь носить» – этически, эстетически и психологически оформлять.

По высказанным выше основаниям я готов присоединиться к позиции авторов. Это не отменяет и не может отменить признания существования форм человеческой сексуальности и эротизма, отличающихся от привычно-традиционных. Они существуют. Они имеют свое культурное и субкультурное оформление. Но искать им обоснование «в дикой природе», на мой взгляд, некорректно как с научной точки зрения, так и с точки зрения общечеловеческой этики. Во всех своих проявлениях человеческая сексуальность это сексуальность, преобразованная культурой, поэтому и основания толерантности и интолерантности в этой сфере имеют не

природное, а культурное – этическое, психологическое, религиозное, культурно-историческое – происхождение.

При общем согласии с основаниями авторской позиции считаю необходимым высказать ряд замечаний.

Мне представляется, что ряд критических выпадов авторов можно было бы переформулировать в вопросы, уточняющие позицию и оппозицию. Тем более, что аргументация оппонентов представлена лишь ссылками, можно было бы привести ее более развернуто, например в виде цитат, содержащих критикуемую авторами аргументацию.

На мой взгляд, сам критический анализ, предпринятый авторами, хорошо аргументирован и едва ли нуждается в такой мощной феноменологической поддержке, которой авторы насытили статью. Вопреки ожиданиям авторов, у читателя может создаться впечатление, что дискредитирующая риторика маскирует слабость авторской позиции, что на самом деле вовсе не соответствует действительности. Множество примеров и иллюстраций приводит к явному дрейфу содержания от критического залога к энциклопедическому обзору. Сам по себе этот энциклопедизм, несомненно, интересен, но предполагает иной жанр публикации.

Полагаю, что статья интересна тем, что открывает дискуссию и достаточно точно формулирует критические замечания и вопросы, которые могут быть обращены к носителям биологизаторского взгляда на источник, функцию и формы человеческой сексуальности

На основании всего сказанного, статья рекомендуется к публикации.